

УДК 821.161.1 Сорокин.06: 81'271

СОРОКИН НУЛЕВЫХ: В ПРОСТРАНСТВЕ МИФОВ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Марина Петровна Абашева

д. филол. н., профессор кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. abasheva@pspu.ru

В статье рассматривается проза Владимира Сорокина 2000-х гг., открывшая новый этап в эволюции писателя. «День опричника», «Сахарный Кремль», «Метель», «Моноклон» и другие тексты этого периода репрезентируют модели российской истории, построенные в духе злободневных политических концепций, тенденций современной историографии, мифологий массового сознания (цивилизационный подход, неоевразийство, имперский миф и др.). Семантика, символика и эмблематика национальной идентичности в произведениях Сорокина создаются с использованием хтонической символики и мифов массовой культуры на основе характерных для писателя приемов деконструкции и пародии.

Ключевые слова: Владимир Сорокин; русская проза 2000-х гг.; национальная идентичность; дистопия; советское и постсоветское; травма и литература.

Разделение творчества Владимира Сорокина на «раннее», основанное на приемах концептуализма (1970–1980-е гг.), и «позднее», тяготеющее к приемам массовой культуры (1990–2000-е), стало общим местом в литературоведении и критике (в работах И.Смирнова, М.Липовецкого, М.Рыклина, Д.Бавильского, М.Берга, Е.Петровской, Б.Кузьминского, Л.Данилкина и др.).

Нам представляется, что вектор, формирующий эволюцию В.Сорокина в XXI в., определяется не столько переменами в индивидуальной авторской поэтике, сколько ее тесным взаимодействием с идеологическим, политическим, культурным контекстом, почти одновременным акту письма. Изучение механизмов этого взаимодействия может прояснить и суть динамики прозы писателя, и смысл самих этих контекстов.

Сорокин не раз комментировал собственную эволюцию. Свою поэтику 70–80-х он объяснял до наглядности просто: «Я делал бинарные литературные бомбочки, состоящие из двух несоединимых частей: соцреалистической и части, построенной на реальной физиологии, а в результате происходил взрыв, и он наполнял меня, как литератора, некой вспышкой свободы. Я рассчитал себе место. Сейчас я пишу по-другому, потому что у меня есть своя чистая площадка» [Сорокин 2006]. Эта метафорика чистого места обнаруживает не столько постмодернистскую, сколько модернистскую, даже авангардную ос-

нову сорокинского метода. Он подверг деконструкции власть дискурса и дискурс власти (особенно в текстах советского периода – в «Первом субботнике» или «Норме», почти во всех пьесах 1980–1990-х гг.), сознательно разрушал авторитетный национальный литературоцентричный канон («Роман», «Голубое сало»), сам язык его текстов распался на сюрреалистически бессмысленные фрагменты (финал романа «Гридцатая любовь Марины»). Подобная деконструкция естественным образом приводит к череде чистых страниц («Очередь»).

1990-е гг. оказываются для Сорокина периодом освоения только нарождающихся языков – языков «новых русских», «офисного планктона», олигархов, о чем свидетельствуют пьесы «Капитал», сценарий фильма «Москва» и др. На рубеже 1990–2000-х Сорокин пишет крупные романы: «Голубое сало», романы, составившие «Ледяную трилогию», – тексты в большей степени нарративные, сюжетные, где история становится отправной точкой для фантастического повествования. Начало 2000-х для Сорокина – время ухода от прозы, время, отданное сценариям, кино, театру. Возвращается он к литературе с иными, чем прежде, повествовательными стратегиями.

Во второй половине 2000-х писатель выстраивает в своих текстах достаточно протяженный, самодостаточный онтологический дистопи-

ческий мир, который порой не умещается в одной книге. В романе «Сахарный Кремль» пространство «Дня опричника» расширяется географически: действие из Москвы переносится в глубинку России. (Показательна в этом смысле трансформация одного из самых известных сорокинских текстов, «Очереди»: в новом тексте очередь – теперь за кусочками рафинадного Кремля – стоит в Перми [Сорокин 2008: 193–214].)

Новые тексты Сорокина отличаются нарративной связностью, в противоположность ранним, для которых была характерна дискретность, языковая или сюжетная деконструкция. Пародийное деконструирование создаваемого мира достигается иными, чем раньше, средствами. Прежде всего – выбором жанра. Сатирические приемы утопии и антиутопии, активно осваиваемые Сорокиным в «Ледяной трилогии», «Голубом сале», в пьесе «Ши» и др., в «Дне опричника» дают возможность за счет жанрового хронотопа (перенесения действия в будущее) создать необходимую историческую дистанцию по отношению к сегодняшнему дню. Но свойственная антиутопии, с ее функцией «предупреждения», направленность на актуальное настоящее обращается в случае Сорокина изображением универсальной для России внеисторической модели государственного устройства по образцу опричнины Ивана Грозного.

Действие последних романов Сорокина происходит в 2027 и 2028 гг. «Я произвел для себя некий мысленный опыт, – признался Сорокин. – Что будет, если изолировать Россию от мира – если предположить, что будет выстроена Великая русская стена по образцу Великой китайской? России некуда будет погружаться, кроме как в свое прошлое. Это будет вызвано идеологической потребностью, поскольку все героические образы для массового сознания в прошлом, в глубоком прошлом. Но без современных технологий такая идеология будет нежизнеспособна. Поэтому, собственно, из моего умозрительного опыта и выводится такая формула – человек в кафтане, разъезжающий на «Мерседесе» с водородным двигателем» [Сорокин 2006а]. Марк Липовецкий остроумно определил подобную конструкцию как «ретробудущее» [Липовецкий 2010].

Возведенная в ранг универсальной для России парадигмы модель правления Ивана Грозного свидетельствует о тяготении Сорокина к обобщающим концепциям национальной идентичности. Повесть «Метель», сборник рассказов «Моноклон», а также пьесы, киносценарии 2000-х гг. (особенно «Копейка», «4», «Мишень»)

тоже демонстрируют сфокусированность сюжетики Сорокина на проблематике национальной идентичности, которую писатель осмысляет как метафизическую.

В 2000-е Сорокин настойчиво заговорил о метафизике, особенно метафизике места: «Место, которое мы называем Россией, обладает уникальной метафизикой. Она не похожа ни на что в принципе. <...> магия географии, русская сакральность, анархия и деструктивность, – вот это все и образует для меня понятие "русская метафизика"» [Сорокин 2007а]. В этих определениях писатель оказывается в прямой близости к главному нерву общественных дискуссий последних десятилетий: к спорам о путях России, о национальной идентичности, о русской идее.

Самоидентификация гражданина России в последние десятилетия претерпела радикальные изменения. После периода кризиса идентичности гражданина СССР, негативной, по определению Л.Гудкова, самоидентификации «совка», характерной для 1990-х, первое десятилетие 2000-х в России было прожито под знаком поиска поводов для национальной гордости, реабилитации и даже идеализации имперского и коммунистического прошлого. Об этом свидетельствуют исследования социологов, фиксирующие ностальгию россиян по советскому прошлому, популярность идеи «особого пути» России [Дубин 2011]. 2000-е гг. стали для России временем реставрации советских ценностей, востребованности имперских идей, нарастания изоляционизма, вождизма, патерналистских надежд.

Именно этот комплекс настроений во многом составил не только фон, но и непосредственный идеологический субстрат сорокинских текстов. В них при внимательном анализе можно обнаружить явные или скрытые отсылки к конкретным источникам сегодняшней политико-идеологической полемики. Поиск всех подобных источников оказался бы малопродуктивным – ведь писатель не цитирует определенные тексты, но улавливает общие настроения эпохи. Однако выявление, реконструкция общего фонда претекстов и анализ некоторых из них, знаковых и «прозрачных» для инсайдера-наблюдателя, могут оказаться весьма информативными.

Чаще всего Сорокин подвергает художественной интерпретации сложившиеся уже в общественном сознании мифы, идеи, концепции, которые нетрудно реконструировать. Обратимся к уже существующим комплексным описаниям такого рода дискурсов. Исследователь современного историографического дискурса Г.И.Зверева отмечает среди основных его свойств мифологизирующий характер и соответствующую смы-

словую редукцию: «Лейтмотив историософских произведений образует идея о взаимообусловленности *исторического прошлого, настоящего и будущего* России в пространстве мировой (всеобщей) истории. Этот пространственно-временной континуитет маркируется вехами непрерывной национально-государственной истории России: *принятие христианства, Древнерусская держава, византизм, татаро-монгольское иго, Московское царство, смута, раскол, Российская империя* и пр. Но Россия в новой историософии – это всегда гораздо большее, чем *государство, держава, империя. Это особая цивилизация!*». В формировании описанного конструкта Г.И.Зверева выявляет нарративные стратегии отнюдь не научного характера: «Изображение авторами черт и свойств *Российской цивилизации* обычно производится в художественно-эссеистической форме с использованием антропоморфных, органицистских, биологических метафор» (курсив автора. – М.А.) [Зверева 2008: 31].

В качестве образчика таких подходов характерны евразийские идеи А.Дугина о российском суперэтнотипе: «Евразия – это не географическое и не континентальное понятие. Это уровень развития русского народа, русской государственности. <...>. Абсолютным евразийством является империя Чингизхана, и наследниками этой империи стали сначала Московское царство, а потом – собственно Россия и СССР. <...> Евразийством следует называть именно это движение русской государственности, обращенное к Востоку – к Владимирской, а потом Московской Руси, к Ивану Грозному...» [Дугин 2002: 544–545]. Так утверждаются мифы о прямой преемственности новой России с Московской Русью, Российской империей, со страной Советов.

Представляется, что трактовка основной темы сорокинских книг «День опричника» и «Сахарный Кремль» отчасти связана с дугинской концепцией опричнины. (В тексте сорокинских романов есть косвенная отсылка к дугинскому неоевразийству, когда Дуга-леший, старый шут при государыне, «подкрякивает» Павлушке-ежу: «Ев-газия, Ев-газия, Ев-газия!» [Сорокин 2007: 171].)

Лекции А.Дугина «Метафизика опричнины», начиная с середины 2000-х и по сей день, активно размещаются на популярных сайтах. Дугин провозглашает опричнину фундаментально значимым, «исторически временным, но архетипически вечным явлением» [Дугин 2005]. Наделенная «чрезвычайными полномочиями» опричнина Ивана Грозного, по Дугину, «будучи отражением великого архетипа, оставила глубокий след в

сознании русских людей», задала, по сути, парадигму национального мироустройства: «Очень сходным феноменом был сталинский период, что видно в гениальной картине Эйзенштейна. Парадигма опричнины была воссоздана. Эта парадигма вечна. Следовательно, всегда актуальна» [там же]. Более того, А.Дугин, а также, например, и писатель А.Проханов отстаивают необходимость «неоопричнины», «путинской опричнины»: «Неоопричнина должна служить не людям и не режиму, а принципу, а так как на нашу страну надвигаются тяжелые времена, то это служение – это борьба псов Великой Идеи с волками и лисицами, нападающими на Святую Русь, будет не просто кстати, но жизненно необходимо» [там же]; «...в борьбе с коррупцией не обойтись без "опричников", которые во времена Ивана Грозного, привязав к седлу метлу и собачью голову, скакали по Руси, искореняя крамолу» [Проханов 2007: 342].

Либерал по убеждениям, Владимир Сорокин видит ту же сущность явления, только с противоположной оценкой: для него опричнина окольцовывает всю кровавую историю России (см.: [Сорокин 2007а; 2006; 2006а]).

Среди актуальных политических идей, ставших материалом для сорокинской диалогии об опричнине, вычитывается еще одна. «Многие вот говорят, что Россия – крепость», – обмолвился писатель в одном из интервью. Интервьюер мгновенно опознала скрытую цитату, назвав имя Михаила Юрьева, бывшего вице-спикера Государственной думы, автора статьи «Крепость Россия (Концепция для президента)» [Сорокин 2007а]. В статье Юрьева предлагается идея полной изоляции страны. (Впоследствии эта статья вошла в программно антилиберальную книгу – антологию статей «Крепость Россия. Прощание с либерализмом» [Леонтьев 2005].) Возможно, отчасти из такого рода источников и вырастает идея Великой Стены в «Дне опричника».

В целом примечательно, что именно на время работы над романами «День опричника» и «Сахарный Кремль» падает формирование целого пласта текстов с идеями неоопричнины.

Примеры пересечений сорокинских текстов с актуальными идеологическими контекстами можно множить. Несомненно, важный для писателя источник, заслуживающий отдельного, но невозможного в рамках данной статьи анализа, – издавна близкий писателю (по проблематике, типу героев, образной ткани, выбору символических и архетипических фигур) Юрий Мамлеев. Метафизический реализм Мамлеева зиждется на его же философских работах «Наедине с Росси-

ей», «Метафизический образ России», «Россия вечная».

Ни в коем случае не следует сводить задачи художественного текста к политической полемике – анализ приведенных источников заставляет по-новому взглянуть на сорокинские тексты. То, что кажется фантазией художника, соответствующей избранному жанру антиутопии, на поверку оборачивается обыденной дискурсивной практикой. И нарративность Сорокина 2000-х гг. тоже представляется не единственно результатом смены художественной стратегии – квазиисторические нарративы изобретаются самими идеологами современной России.

В построении универсальной внеисторической модели национального бытия Сорокин не одинок и даже не оригинален. Многие современные писатели создают образ России как палимпсестно устроенный топос с едиными парадигмальными признаками – историческими, но приобретающими вневременной, универсальный характер: В.Ерофеев («Попугайчик»), М.Шишкин («Венерин волос»), Ю.Буйда («Борис и Глеб»). Отчасти этот прием обусловлен спецификой художественного сознания рубежа веков в целом [Бочкарева 2010]. Прием интерпретации истории России как замкнутого цикла неизменно повторяющихся констант особенно характерен для романов-антиутопий: «ЖД» Дм.Быкова, «2017» О.Славниковой и более ранних – «Кысь» Т.Толстой, «Государственное дитя» В.Пьецуха...

Сопоставление сорокинских текстов с антиутопическими сюжетами массовой литературы также обнаруживает немало сходжений. Близка сорокинской гипотезе о китаизации страны Ордусь – гибрид Российской империи и СССР из серии романов «Евразийская симфония» Хольман Зайчика (коллективный псевдоним И.Алимова и В.Рыбакова). Империю будущего описывают П.Крусанов в романе «Укус ангела», В.Серебряков и А.Уланов в романе «Из России с любовью». Список можно продолжить романами Е.Хаецкой, А.Громова, В.Михайлова, А.Плеханова, Д.Володихина... У последнего Российская империя – государственное выражение Православной цивилизации. (Подробнее о проблемах национальной идентичности в массовой литературе см.: [Абашева, Криницына 2010]).

В случае Сорокина, однако, важны акценты, обнаруживающие изначальный пусковой механизм, праформы дистопической циклической конструкции. Для Сорокина началом универсальной парадигмы становится именно основанное на насилии и особом статусе людей власти государственное устройство Ивана Грозного: «Грозный заложил вертикаль власти и, по сути,

посадил страну на кол, и она на этой вертикали сидит до сих пор. Эта архаическая пирамида и формирует, во многом, русское сознание. Чиновник – это, собственно, и есть опричник, потому что он больше, чем ты. А наверху – там вообще небожители, которые смотрят вниз, как на мир муравьев. Эта структура не изменилась. Она укрепилась еще больше в советское время, и сейчас она такая же. Ведь в Европе существует горизонталь власти, и там каждый немец или француз может сказать: "Государство – это я". А мы говорим, что государство – это "они", указывая на машины с мигалками, которые мимо проносятся» [Сорокин 2011].

Модель русского государства как опричнины оказывается востребованной в литературе и в общественной полемике. Так, Алексей Иванов, автор романа «Летоисчисление от Иоанна» (2009), автор сценария фильма П.Лунгина «Царь» (2009), писатель, эстетически Сорокину далекий, тоже представляет образ Ивана Грозного как архетип русского царя, а опричнину – как знак «дурной бесконечности» для России [Иванов 2009]. В сегодняшней рецепции сорокинский роман рассматривается – вполне в духе антиутопического дискурса – как сбывшийся прогноз: на обложку первого номера вышедшего в эти дни исторического журнала «Дилетант» вынесен заголовок «Опричнина: от Ивана Грозного до Владимира Путина» (здесь помещено интервью В. Сорокина «Тень опричника» [Сорокин 2012]).

Нельзя не заметить, что проблематика национальной самоидентификации традиционно решается Владимиром Сорокиным и в связи с идеей литературоцентричности русской культуры. Так, повесть «Метель» (2010) связана с мифологией национальной идентичности через интертекстуальные коды: Сорокин изображает Россию будущего сквозь мифологизированный текст русской литературной традиции XIX – начала XX в. Эта повесть, удостоенная премии «НОС», получила немало откликов критиков и литературоведов, поэтому в поиске новых конструкций национальной идентичности у Сорокина мы обратимся не к ней, а к последнему на сегодня сборнику рассказов автора – «Моноклон» (2010).

В рассказах, составивших сборник, идея национальной идентичности выражается тоже через архаические модели, но вне хронотопа исторического прошлого и вне обусловленной жанром антиутопии исторической дистанции. Все рассказы – об актуальном настоящем, в них упоминаются узнаваемые события: митинги за соблюдение 31 главы Конституции («Тридцать первое»), расстрел покупателей милиционером в магазине («Тимка»), дело Ходорковского («За-

нос»), выступления тридцатитысячного движения молодежи («Мы вместе» в рассказе «Моноклон» явно отсылают к «Идущим вместе», публично сжигавшим в 2004 г. книги Сорокина). Чуть дальше в советское прошлое, в 1960 – 70-е, отнесено изображение будней советского академика («Волны»), ностальгической «Кухни».

Между тем едва ли не каждый из рассказов, включенных в книгу, обнаруживает в своем сюжете обуславливающую постсоветское настоящее травму героя, нанесенную советской эпохой. В рассказе «Моноклон» в квартиру старика-пенсионера, празднично воодушевленного криками уличной толпы (молодежное движение «Мы вместе» празднует День космонавтики), приходит странный человек с чудовищным рогом во лбу. Кувалдой он вбивает в тело старика наконечник лагерной кирки, на гранях которой выгравированы надписи: «Без сомнения» и «На память». Какую именно страшную память оставил о себе герой рассказа у своего мстителя – остается только догадываться – в частности, по висящим на стене фотографиям, которые разглядывает страшный гость. На них запечатлен молодой еще хозяин квартиры в форме лейтенанта госбезопасности с косой надписью в уголке «Норильск 1952». Толпа ряженых космонавтов, у кого пытаются найти призрачную защиту умирающий старик, не слышит его за собственными криками ликования.

«Моноклон» – принципиальный для сборника текст, в котором общая для всех рассказов мысль выражена с беспощадной убедительностью, обеспеченной прежде всего чудовищной выразительностью центрального антропоморфного символа. Моноклон (название породы динозавров) становится знаком прошлого. Прошлого, замешанного на кошмаре насилия. Здесь важно, что идущая от подземных хтонических глубин архаика призвана обозначать прошлое совсем недавнее, советское.

В этом тексте работает принцип, названный А.Эткиндром и М.Липовецким «магическим историзмом» в статье «Возвращение тритона: Советская катастрофа и постсоветский роман». В интерпретации авторов, поэтика чудовищного в постсоветском романе связана с символизацией непроговоренной травмы о советской эпохе. «Историческая память всегда несет в себе элементы жути: знакомого и забытого, возвратившегося и неузнанного, непережитого и пережеванного» [Липовецкий, Эткинд 2008]. А.Эткинд в качестве объяснительной метафоры приводит образ тритона в солженицынском «Архипелеге ГУЛАГ»: «Когда тритон, съеденный заключенными ГУЛАГа, живой встает перед нами из тек-

ста, мы удивляемся и понимаем: “Мы – сразу поняли. Мы увидели всю сцену ярко до мелочей: как присутствующие с ожесточенной поспешностью кололи лед; как, попирая высокие интересы ихтиологии и отталкивая друг друга локтями, они отбивали куски тысячелетнего мяса, волокли его к костру, оттаивали и насыщались”» [там же].

Непроработанность травмы, нанесенной «советской катастрофой», формирует, по мнению исследователей, атмосферу и постсоветской литературы: «Миллионы погибли зря, но о них помнят многие; согласно опросам, каждый четвертый россиянин помнит своих предков, пострадавших от репрессий. Памятников этим жертвам мало; музеев советской катастрофы нет; не было и, наверно, не будет суда над палачами – личностями и институтами. <...> В этой ситуации работа горя продолжается там же, где началась, – в литературе. Только нынешние формы и жанры этой работы сильно отличаются от тех, что были заложены Солженицыным, Шаламовым, Синявским, Надеждой Мандельштам. <...> Работа постсоветских авторов породила множество странных существ, вампиров, вурдалаков, недо- и сверхлюдей <...> Все они вышли из тритона» [там же].

Действительно, магический историзм воплощает фантазмы современных авторов в образах чудовищ: вампиров, сверхлюдей, монстров. Это очевидно в книгах В.Пелевина, Ю.Мамлеева, Ю.Буйды, не говоря уже о массовой литературе, где вампир (например, у С.Лукияненко) стал едва ли не главным героем.

Размышления М.Липовецкого и А.Эткинда 2006 г. остановились на сорокинском творчестве периода диалогии об опричнине. «Метель» и «Моноклон», вышедшие в 2010-гг., только подтверждают, на наш взгляд, продуктивность интерпретации постсоветского романа через категорию травмы – вплоть до буквального повторения символизирующего травму образа «тритона».

Едва ли не в каждом из текстов Сорокина 2000-х гг. присутствует чудовище. В «Дне опричника» это семиглавый Горыныч, насилующий Америку огнем. В повести «Метель» – великан и страшный Снеговик. В сборнике «Моноклон» особо примечателен рассказ «Черная лошадь с белым глазом», обнаруживающий новые тенденции в интерпретации травмы советской истории. Идиллическое изображение крестьянского труда дано в рассказе через детское восприятие девочки Марфуши, с описанием запахов сена, меда, земляники... Обрывается идиллия внезапным финалом: лаконичным обозначением календар-

ной даты, когда происходит действие, – 21 июня 1941 г. Что было дальше – каждый читатель знает сам. Таким образом, здесь нет изображения травмы, но есть недискурсивное указание на нее.

Однако чудовищное все же эксплицировано в рассказе – в описании глаза загадочной лошади, где «все было какое-то большое и *глубокое*, как омут у мельницы, и какое-то очень-очень-очень *густое* и *жадное*, и как-то *грозно* стояло и сочилось, подымалось и пухло, словно опара. Даша вспомнила, как рубят курам головы. И как хлюпает красное горло. И вдруг *ясно* увидела в глазу у лошади Красное Горло. И его было *очень* много. И Даше стало так страшно, что она застыла как сосулька» [Сорокин 2010: 105]¹. Выделенные авторским курсивом слова концентрируют семантику ужаса.

Рассказы сборника объединены сквозным сюжетом: мы обнаруживаем указание на травму в прошлом, симптомом которой становится необъяснимое событие настоящего, стимулированное, в свою очередь, каким-то рифмующимся с прошлым явлением сегодняшней жизни (в «Моноклоне» советские песни, распеваемые молодежью из движения «Мы вместе», кажется, и будят призраков прошлого). История травмы так и остается непроговоренной, происходящее сегодня обнаруживает ее неизжитость. В каждом из рассказов героя настигает страшный призрак прошлого – и нередко этот призрак обретает черты хтонические.

В пьесе «Занос», завершающей сборник «Моноклон», тоже появляется чудовище – криптоклейд, водоплавающий ящер отряда плезиозавров. Скульптура, вылепленная из торта и орехового масла, становится «смысловой аллегорией нашей жизни» (245), скульптор назвал свое творение «Россия», аттестуя его как воплощение русской метафизики.

Герою пьесы, олигарху, суждена гибель – как динозавру, в фигурку которого он, шутя, воткнул российский флажок. Ровно так же, как сжигают опричники столбовых в романе «День опричника», в «Заносе» уничтожают усадьбу предпринимателя Михаила какие-то условные «силовики», говорящие между собой на непонятном, асемантизированном языке.

Объяснение этого алогичного финала лежит в открывающем текст пьесы сне героя. (Без сна не обходится, кажется, ни один текст Сорокина.) Сон как «семиотическое окно» (по определению Ю.М.Лотмана) проясняет не только смысл самого текста, но и выходит за его пределы, в общую семиотическую систему автора и национальной культуры.

В целом, сон о зимней дороге (напоминающий сны в «Метели») является изображением загадочного ритуала. Ритуал встречается у Сорокина не реже, пожалуй, чем сон: стоит вспомнить ритуалы инициации («Настя», «Ши»), евхаристии («Месяц в Дахау»); автор нередко придумывает новые ритуалы с непрочитаемым содержанием («Сердца четырех», «Лошадиный суп»). Ритуал-сон Михаила – «занос» (в пьесе обыгрываются разные значения этого слова: занос как снежная метель, как автомобильная авария, как ритуал, напоминающий «откат», как зигзаг судьбы). Семантика описанного ритуала – жертвоприношение. Михаил должен принести тяжелый сундук с золотом Великому Медопуту. Медопут оказывается скульптурным изваянием, симбиозом двух человеческих фигур, деревянной и железной: «одна из этих фигур сидела на закорках у другой» (207). Это явно политический символ современной власти – тандема, активно используемый прессой и особенно блогерами. Ритуал происходит в условном русском народном полусказочном пространстве: посреди поляны в темном лесу, в шатре. В качестве жреца, Хранителя, выступает слепой игумен, в лице которого просвечивают черты разных национальных страхов: «достаточно и от монаха, и от цыгана, и от разбойника» (204). Ритмический заговор, который хорошо научился сочинять Сорокин «Дня опричника» («Великий Медопут, держатель тайных пут, прими дары от твоей детворы. Для дела, для братства, для русского богатства...») (208), сопровождается магическими манипуляциями с медвежьим салом – им надлежит обтирать дубовые ботинки Медопута. Золото нужно высыпать пригоршнями в черную дыру перед Медопутом, а сундук, субститут жертвы, сжигается, как и положено при жертвоприношении. Потом Михаил падает в «ледяную, темную, смертельно объявшаю его воду» (210). *Смертельно* объявша вода в финале запоминается еще и потому, что Станислав, Проводник героя в сказочный лес, как выясняется далее, после пробуждения, в реальности, оказывается, давно умер.

Здесь ритуал жертвоприношения, национальная мифология и атрибутика, политический намек, фольклорные архаические элементы предвосхищают дальнейшее развитие сюжета (и презентуют авторские технологии по созданию символики и эмблематики национальной идентичности). В финале рассказа Михаила ждут ничем как будто не мотивированные разорение, пожар, клеймение – по сути, средневековая расправа. Так воспроизводится опричнина вне своего исторического времени. Образ динозавра с

именем Россия, который был предметом долгого обсуждения героев пьесы, вносит семантику хтонического, означает чудовищную природу национальной истории через доисторические фигуры древнего хаоса. Медопут и ящер, таким образом, оказываются символами одного порядка.

В фильме 2011 г. «Мишень», где Владимир Сорокин выступил в качестве сценариста, место архаики, детерминирующей настоящее России 2020 г., занимает советское прошлое. Новые люди власти (принадлежащие первой категории – снова видим разделение, опричное по сути) решают фаустовскую проблему вечной молодости, покупая дорогостоящую услугу, – энергетическую подпитку от советского наследия. Сохранившаяся на Алтае космическая станция заряжает героев энергией, которая, оказалось, разрушает их жизни. Энергия советского прошлого губительна. Сюжет разворачивается в связи с интертекстуальными отсылками к «Анне Карениной» и другим ключевым текстам русской литературы (по выражению режиссера фильма Зельдовича, «в непрерывном пространстве нашей национальной идентичности» [Зельдович 2011]).

Режиссер «Мишени» прямо интерпретирует источник опасной энергии как советское духовное наследие: «СССР — огромное несчастье, но в основе его был большой утопический проект, энергии которого хватило лет на шестьдесят. Веры, что, собравшись вместе, можно что-то изменить в мире. Даже когда обнаружился обман, казалось, пути еще не закрыты, можно попробовать по-другому» [Зельдович 2011].

Сорокин 2000-х точно знает, что по-другому нельзя. Все его тексты этого периода обнаруживают настойчивое воспроизведение метасюжета о тяжелом, как шаги командора, преследовании постсоветского человека кошмарами и чудовищами из прошлого. Прошлого недавнего, но воспроизводящего универсальную формулу национальной метафизики. Проговаривание травмы национальной истории – через реконструкцию ее универсальных моделей, символизацию страхов, деконструкцию мифов и эмблем – и становится главной художественной задачей Сорокина в первой декаде наставшего века.

Примечание

¹ Сорокин В. Моноклон. М.: Астрель: АСТ, 2010. 286 с. При повторных ссылках на это издание в тексте статьи указан только номер страницы.

Список литературы

Абашева М.П., Криницына О.П. Проблематика национальной идентичности в славянских фэнтези // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. №332. С.7–10.

Бочкарева Н.С. Формы выражения кризисного сознания в литературе и культуре рубежа веков // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып.2(8). С.111–118.

Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 391 с.

Дугин А. Метафизика опричнины: тезисы выступ. Александра Дугина в рамках «Нового университета». (Александровская слобода, дворец Ивана Грозного, 26 февраля 2005) // Арктогея. Философский портал. URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=125> (дата обращения: 28.01.2012).

Дугин А. Я за многополярную цивилизацию // Основы евразийства. М.: «Арктогея Центр», 2002. 800 с.

Зверева Г.И. Русский Проект: Конструирование позитивной национальной идентичности в современном российском государстве и обществе // Eurasian Review [Institute of Eurasian Studies, Kookmin University]. 2008 (November). Vol.1. С.15–46.

Зельдович А. «Несколько книжек – это страна» / Интервью Ларисы Малюковой // Новая газета. 2011. 10 февр.

Иванов А. «Русский царь страшнее наркоторговцев!» / Интервью Юлии Шигаревой // Аргументы и факты. 2009. 18 нояб. (№47).

Леонтьев М. Крепость Россия: сб. ст. М.: Яуз, ЭКСМО, 2005. 192 с.

Липовецкий М., Эткинд А. Возвращение тритона: Советская катастрофа и постсоветский роман // Новое лит. обозрение. 2008. №94. С.174–196. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/li17.html> (дата обращения: 28.01.2012).

Липовецкий М. Метель в ретробудущем: Сорокин о модернизации // OpenSpace. Литература. 2010. 13.09. URL: <http://www.openspace.ru/literature/projects/13073/details/17810/> (дата обращения: 28.01.2012).

Проханов А. Пятая Империя: роман. СПб.: Амфора, 2007. 624 с.

Сорокин В. День опричника: роман. М.: ИП Богат, 2007. 224 с.

Сорокин В. Законы русской метафизики. «Может ли бумага задымиться от некоторой комбинации слов?» / Интервью Александру Вознесенскому // НГ EX LIBRIS. 2006. 26.10.

Сорокин В. Кольцо опричнины. О романе Владимира Сорокина «День опричника» / Интервью Алине Витухновской // Рус. журн. Журнальный зал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Kol-co-oprichniny> 02.04.2007a (дата обращения: 28.01.2012).

Сорокин В. Опричнина – очень русское явление / Интервью Борису Соколову // Грани. Ru. Культура. 21.08.2006a. URL: <http://www.grani.ru/Culture/Literature/m.110108.html> (дата обращения: 28.01.2012).

Сорокин В. Сахарный Кремль: роман. М.: Астрель: АСТ, 2008. 349 с.

Сорокин В. Тень опричника. Владимир Сорокин как писатель и как предсказатель // Diletant. 2012. №1. URL: http://www.diletant.ru/journal/327/article_24124 (дата обращения: 28.01.2012).

Сорокин В. «Я питаюсь русской метафизикой, но не представляю себя без Европы» / Интервью Михаилу Гуткину. Нью-Йорк. 2011. 11 мая // Голос Америки. URL: <http://www.voanews.com/russian/news/Sorokin-Interview-2011-05-11-121675299.html> (дата обращения: 28.01.2012).

SOROKIN OF THE 2000-s: IN THE SPACE OF NATIONAL IDENTITY MYTHS

Marina P. Abasheva

**Professor of Contemporary Russian Literature Department
Perm State Pedagogical University**

The article considers Vladimir Sorokin's prose of the 2000-s, which opened a new stage in the writer's evolution. *Den' oprichnika*, *Sakharniy Kreml*, *Metel'*, *Monoklon* and other texts of this period represent the models of the history of Russia that are constructed as a kind of topical political theories, trends in contemporary historiography and mythologies of mass consciousness (civilizational approach, neo-Euroasianism, imperial myth, etc). In Sorokin's literary works the semantics, symbolism and emblematics of the national identity are constructed on the basis of the methods of deconstruction and parody that are created by the writer together with chthonian symbolics and mass culture myths.

Key words: Vladimir Sorokin; Russian prose of the 2000-s; national identity; dystopia; Soviet and Post-Soviet; trauma and literature.